

УДК 342.26(57.22)

Иркутская губерния/область в административно-территориальных преобразованиях Сибири в советский период. Статья 1

В. Н. Казарин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена административно-территориальным преобразованиям, проводимым в Сибири в советский период, и месту в них Иркутской губернии/области.

Ключевые слова: Сибирь, Иркутская губерния/область, административно-территориальные преобразования, опыт советского периода отечественной истории.

В 2012 г. исполняется 75 лет со дня создания Иркутской области. Вопрос о том, как была создана Иркутская область в ее нынешних административно-территориальных границах, возникает не только в связи с очередной «круглой» датой и имеет не только познавательный интерес. Проблема затрагивает многие аспекты; в их числе один из главных – вопрос о дальнейшей судьбе российской государственности, поскольку опыт укрупнения субъектов Российской Федерации первого десятилетия XXI в., создания федеральных округов – это и вопрос укрепления вертикали власти, поиск новых подходов Центра по управлению регионами.

Опыт административно-территориальных преобразований в Сибири и место в них Иркутской губернии/области, несмотря на заявленные хронологические рамки советского периода, при внимательном анализе проблемы выходит далеко за эти десятилетия. Рассматривая проблему в широком социально-политическом, экономическом контексте в связи с процессом колонизации региона, следует признать, что корни ее гораздо глубже. Их следует искать в истоках самого государственного строительства Союза ССР, а еще ранее – создания РСФСР. Но и в этот период решались не только проблемы, возникшие в ходе событий 1917 г. и Гражданской войны на территории бывшей Российской империи, а еще раньше. Их причины – в системном кризисе российской имперской государственности, обнажившемся и нараставшем с начала минувшего века. А проблемы, возникшие в период «парада суверенитетов», кризиса советской государственности и тяжелых 90-х гг. XX в., разве не имеют «советской основы»? При всем многообразии подходов к этой теме в отечественной и зарубежной литературе отрицать истоки проблемы обозначенного периода непродуктивно.

К февралю 1917 г. Российская империя состояла из 78 губерний и 19 областей. На основании общих положений управлялись только 49 губерний,

остальные же – по специальным положениям. К числу последних относились 10 польских, 8 финляндских, 7 кавказских и 4 сибирских губерний. Если численность населения губерний была относительно одинаковой (примерно от 1,5 до 2 млн чел.), то различие в размерах территории оставалось весьма значительным. Азиатские губернии империи в несколько раз превышали по площади европейские, что во многом затрудняло управление ими [5, с. 178].

После Октябрьской революции 1917 г. начался стихийный передел землеустройства, приведший на практике к образованию новых волостей и сельских обществ. Созданные в городах Советы рабочих депутатов также нередко инициировали вопрос о новом административно-территориальном делении контролируемых ими территорий. К концу 1920 – началу 1921 г. число губерний в стране увеличилось на 29, уездов на 134 и волостей на 4 442 по сравнению с числом одноименных единиц до революции [13, с. 213].

В годы Гражданской войны на Урале и в Сибири были созданы областные территориальные центры полувоенного типа. После крушения режима Колчака бывшая Сибирская область управлялась Сибирским ревкомом, выполнявшим функции областного центра.

Посмотрим, что представляла Иркутская губерния после установления здесь советской власти в 1920 г. Опубликованные предварительные итоги переписи населения 1920 г. по городам, поселениям городского типа, уездам и волостям Иркутской губернии дают нам следующую картину. В Иркутск входили тогда предместья Свердлова (бывшее Глазково), Зиновьева (бывшее Вознесенское), Ленина (бывшая Иннокентьевская и Ново-Иннокентьевская), а также Селивановский поселок и станция Батарейная. По итогам переписи в Иркутске проживало 103 920 чел., и 857 были зарегистрированы как временно отсутствующие. В поселениях городского типа Иркутского уезда (Лиственничное, Тальцы и Слюдянка) проживало 6 728 чел., а также 537 вошли в отчетность как временно отсутствующие. Кроме того, в Иркутский уезд входили 22 волости, самыми крупными из которых являлись Тайтурская, Усольская, Тункинская, Смоленская, Оекская. Всего в 22 волостях вместе с контрольными пароходными пристанями, которые учитывались отдельно, проживало 105 240 чел. при 4 173 чел. отсутствующих.

В Балаганский уезд входило два маленьких города: Балаганск и Зима, в которых проживало в совокупности 8 048 чел., из них в Балаганске всего 1997 чел. В 23 волостях уезда проживало 78 465 чел., а самыми крупными волостями являлись Зиминская, Тагнинская и Тыретская. В Нижнеудинский уезд входили г. Нижнеудинск с железнодорожным поселком (12 283 чел.), и Николаевский завод (1 487 чел.). В уезде насчитывалось 24 волости, численность которых составляла 139 788 чел. и 5 242 чел. временно отсутствовали. Самые крупные волости: Тайшетская, Тулуновская, Куйтунская, Уянская.

Верхоленский уезд состоял из города Верхоленска и 13 волостей. В Верхоленске проживало всего 1 617 чел.; население волостей составило 53 778 чел. 2 315 чел. числились как временно отсутствующие. Больше всего проживало в Тутурской, Манзурской и Илгинской волостях.

Кроме того, в составе Иркутской губернии перепись была проведена в Ангарском, Тункинском и Эхирит-Булагатском аймаках. В Ангарском аймаке насчитывалось 8 хошунов, наиболее крупными из которых были Унгинский, Аларский и Боханский. Всего в аймаке проживало 41 350 чел., при 407 временно отсутствующих. Тункинский аймак состоял из поселения городского типа Аршан, в котором проживало 210 чел., и 3 хошунов с населением 13 558 чел.

В Эхирит-Булагатском аймаке, состоявшем из 16 хошунов, проживало 29 872 чел. при 131 чел., временно отсутствующем. Наиболее крупными хошунами являлись Булагатский, Эхиритский, Ленский. Таким образом, переписью 1920 г. всего было учтено (с населением пристаней и полосы отчуждения Забайкальской железной дороги) 696 209 чел.; (25 759 чел. считались временно отсутствующими). В городах проживало 132 887 чел., в поселениях городского типа – 15 381 чел., в сельской местности – 526 454 чел. Остальные – на контрольных паромных пристанях и в полосе отчуждения Забайкальской и Томской железных дорог.

Необходимо учитывать, что в 1920 г. перепись не производилась в северных уездах губернии. В Илимском и Киренском уездах, включая города Киренск и Илимск, Усть-Кутский солеваренный завод, а также сельское население, проживало 58 891 чел., по данным на 1917 г. В Бодайбинском уезде на тот же год насчитывалось 6 591 чел. В Верхоленском уезде было учтено 1 025 чел., в Тункинском аймаке – 2 390 и в Эхирит-Булагатском аймаке из не учтенных переписью 1920 г. по данным на 1917 г. было 5 408 чел. Таким образом, к данным переписи 1920 г. со ссылкой на данные 1917 г. было добавлено еще 74 305 жителей, а также 19 537 чел. присовокупили по данным из других источников. Отсутствовали данные по населению Селенгинского уезда, который был выделен из Забайкальской области и присоединен к Иркутской губернии в 1920 г. [17].

События 1917–1920 гг. вызвали изменения территории Иркутской губернии. В 1920 г. Тайшетская и Алзатайская волости бывшего Нижнеудинского уезда отошли к Енисейской губернии. На севере в 1923 г. Иркутская губерния потеряла Мухтуйскую, Нюйскую, Сунтаро-Олекминскую волости и часть Витимской волости Киренского уезда, переданные Якутской автономной области. На юге же к Иркутской губернии в 1920 г. была присоединена часть бывшей Забайкальской области от западной ее границы до р. Селенги. Однако позднее из этой территории Иркутской губернии выделилась Бурят-Монгольская автономная область в виде трех отдельных участков, из которых только один, образовавшийся из Тункинского края и юго-западной части Забайкальской области, являлся пограничным отрезком, не нарушавшим целостности Иркутской губернии. А два других сильно вклинились в пределы губернии, создавая неудобную в административном отношении и для губернии и для области чересполосицу [14, с. 1]. К тому же процесс выделения самостоятельной Бурят-Монгольской автономной области в силу исторически сложившейся чересполосицы русского и бурятского населения актуализировал проблему территориально-административного размежевания.

В 1923 г. территория Иркутской губернии занимала площадь 836 400 кв. км, что превосходило по своей величине большинство губерний РСФСР и многие государства Западной Европы. Губерния делилась на 8 уездов: Иркутский, Зиминский, Балаганский, Тулунский, Верхоленский, Киренский, Бодайбинский и Селенгинский. В губернии проживало 693 тыс. чел., из них 479 тыс. чел. составляло сельское население. При этом процент городского населения был больше, чем в других губерниях Сибири. Но при этом занятая населением площадь составляла только 10 % территории губернии. Население проживало вдоль Московского тракта, совпадавшего с Транссибирской железной дорогой, в лесостепном пространстве между реками Белой, Окой и Ангарой, а также в долинах Ангары, Уды, Оки, Ии, Илима и Лены. С образованием Аларского аймака значительная часть территории в треугольнике Белой, Оки и Ангары отошла к Бурят-Монгольской области [16, с. 1, 4, 12–13].

В начале 1920-х гг. одним из наиболее актуальных вопросов, как указывалось выше, был вопрос о проведении в РСФСР административно-территориальной реформы. Вопрос этот тесно увязывался с другими, а именно: экономическим районированием и национально-государственным строительством. Общие подходы к экономическому районированию России были представлены в докладе Госплана на 3-й сессии ВЦИКа Советов в 1922 г. Доклад следует признать продуманным серьезным документом. Особенно сильной предстает методологическая часть, предусматривающая выделение районов с учетом естественных ресурсов, плотности и распределения населения, существующих промышленных и технических ценностей, транспортных условий и сложившихся хозяйственных центров. Предполагалось выделение 12 экономических областей в европейской России и девяти в азиатской ее части. В Восточной Сибири предполагалось создать Енисейскую и Ленско-Ангарскую области. При этом предусматривалось, что «границы автономных республик и областей при вхождении в экономическую область не нарушаются», «политические права и компетенция национальных объединений, предусмотренные декретами о них, не подлежат сомнению» [18, с. 55–56].

При всей экономической целесообразности создания единого Лено-Байкальского края (области) наличие на территории Восточной Сибири автономной области вносило объективные сложности в ее решение. Среди автономных областей и трудовых коммун РСФСР Бурят-Монгольская автономная область по площади уступала только Коми (Зырянской) автономной области, но была больше таких автономных республик (а не областей), как Татарская, Крымская, Дагестанская и Горская. По населению же БМ АО РСФСР уступала Чувашской, Марийской автономным областям, трудовой коммуне немцев Поволжья и Карельской трудовой коммуне. Но при этом вопрос о нерушимости границ автономных республик и областей при вхождении их в более крупные экономические области не подвергался сомнению [10, с. 253, 259, 260].

Исходя из вполне разумных доводов, предполагалось, что создание Лено-Байкальского края (области) будет способствовать не только экономическому развитию созданного территориально-хозяйственного региона, но и разрешит национальный вопрос. Последнее, однако, было наиболее слож-

ным. После восстановления советской власти в Восточной Сибири появились новые проекты решения национального вопроса. Политбюро ЦК РКП(б) в октябре 1920 г. приняло постановление о необходимости автономии для калмыков и бурят-монголов в соответствующих условиях форм. Однако Сиббюро ЦК, учитывая чересполосицу русского и бурятского населения Иркутской губернии и Забайкалья, неокрепшее положение Дальневосточной республики, возможность политических колебаний, при которых бурятская республика может выйти из-под влияния РСФСР и сильное националистическое влияние, сочло образование Бурятской республики преждевременным.

После крушения режима Колчака и восстановления советской власти Иркутский губком партии большевиков уже в начале марта 1920 г. рассмотрел вопрос «Об аймаках». Бурятской секции губкома было предложено под ее ответственность «конструировать управление аймаками». При этом было признано обязательным, чтобы в аймачные и хошунные ревкомы входили исключительно коммунисты [6, Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 15]. Именно здесь, в этом коротком постановлении, принятом в городе, в котором только что поменялась власть, видно принципиальное видение решения далеко не новой проблемы. Национальная проблема должна быть решена на классово-политическом и идейном единстве формируемого государственного аппарата. Иначе говоря, если будут коммунисты в органах власти, то они договорятся между собой, хотя бы в силу жесткой партийной дисциплины.

Однако прямых директив народного комиссариата национальностей РСФСР относительно «общей линии РКП(б)» в местностях, заселенных восточными народами, в Иркутск не поступало. Поэтому президиум Иркутского губкома в феврале 1921 г., не принимая на себя всю ответственность за решение данного вопроса, признал необходимым предварительно обсудить его в Сиббюро. Для себя же в качестве первоочередной была определена задача «доведения до максимума» коммунистической пропаганды среди бурятского населения. С этой целью предполагалась помощь партработниками для отправки их в Забайкальскую область. Губком же должен был немедленно приступить к собиранию и обработке материалов для решения вопроса о «конкретно мыслимых формах проведения автономии бурято-монгол как в условиях буфера, так и в условиях Иркутской губернии» [6, Ф. 1. Оп. 1. Д. 548. Л. 19].

В апреле 1921 г. президиум Иркутского губернского комитета РКП(б) специально обсуждал вопрос «О бурятской автономии». Губком, и это важно отметить, констатировал начавшееся среди бурят национально-автономное движение. Движение, заметим, оживилось уже при советской власти. Губком признал необходимым создание временного Бурятского ЦК (БурЦК) в составе Ербанова, Ринчино, Джамсаранова. Председателем назначили М. Н. Ербанова. Коммунистов временного БурЦК обязали «в спешном порядке разработать вопрос об организационно-административных формах Бурятской республики Иркутской губернии и советского Прибайкалья». А тремя днями позднее, 25 апреля 1921 г. Президиум Иркутского губернского комитета РКП(б) поручил временному Бурятскому ЦК созвать съезд бурят Иркутской губернии и советского Прибайкалья, на котором одним из вопросов рассмот-

реть выделение бурят в автономную область с определением конструкции органов власти и установление границ [6, Ф. 1. Оп. 1. Д. 548. Л. 65, 67].

Позднее, в январе 1922 г. ВЦИК Советов РСФСР юридически оформил образование Бурятской автономной республики в составе РСФСР. В Дальневосточной республике также была образована Бурят-Монгольская автономная область, во главе которой оказались представители «непролетарских слов», что было вполне объяснимо. БМ АО ДВР представляла экстерриториальную единицу, не имея целостной территории [8, с. 317]. Однако решение это в Иркутске не получило единодушной поддержки. Так, видный деятель революционного движения в Сибири, заместитель председателя Сибирского ревкома, член реввоенсовета знаменитой 5-й армии Борис Захарович Шумяцкий [9, с. 773] в декабре 1921 г. на заседании Иркутского губкома РКП(б) остался при особом мнении в вопросе выделения автономной бурятской области. На двух заседаниях губкома, обсуждавших этот вопрос, Шумяцкий отстаивал мысль, что Бурятский обком должен являться агитационно-пропагандистской организацией, а не органом самоуправления автономной бурятской области. Губком же принял компромиссное решение: официальное размежевание прекратить, но подготовительные работы в этом направлении не приостанавливать, впредь до получения декрета из центра о выделении границ [6, Ф. 1. Оп. 1. Д. 549. Л. 129]. Приведенные архивные данные красноречиво свидетельствуют, что вопросы административного и национального деления (размежевания) решались в этот период не на местах, а в центре. Мнение отдельных, даже влиятельных местных руководителей мало что значило при принципиальном решении вопроса. Постановлением ВЦИК от 9 января 1922 г. бурятские аймаки были переданы в образованную Бурят-Монгольскую автономную область (позднее Бурят-Монгольскую автономную республику) [1, с. 40].

После выполнения ДВР предназначенных ей функций, в связи с решением о включении ДВР в состав РСФСР, возник вопрос об объединении двух бурятских автономных областей. Председатель Дальревкома П. А. Кобозев просил Народный комиссариат по делам национальностей не спешить с объединением, поскольку оно «имеет целью захватить Байкал, что недопустимо, так как бурят-монголы расселены чрезвычайно пестро среди русского населения, а определение границ Бурят-Монгольской области невозможно». Получалось бы, аргументировал далее П. А. Кобозев, что на 300 тыс. бурят 600 тыс. русского населения, что нарушало бы основные принципы национальной автономии [7, с. 143–144].

Но проект Наркомнаца и Бурятского обкома РКП(б) предполагал организацию Бурятской республики по территориальному принципу, т. е. с включением в ее состав чересполосного русского населения. Примечательно, что в апреле 1923 г. Президиум Иркутского губкома РКП(б) специально рассматривал вопрос о присоединении Селенгинского уезда к Бурятской автономной области в связи с объединением двух бурят-монгольских областей и для создания цельности территории области. Губком признал передачу Селенгинского уезда Бурят-Монгольской области возможным только для «округления

границы области и уничтожения чересполосицы при условии оставления за Иркутской губернией бурятских аймаков, расположенных на территории губернии» [6, Ф. 1. Оп. 1. Д. 1433. Л. 64.]. В мае 1923 г. Президиум ВЦИК юридически оформил образование Бурят-Монгольской АССР на этих принципах. Таким образом, процесс образования БМ АССР был сложным и длительным, а в процессе ее создания были высказаны различные мнения.

Это во многом объясняет отношение руководства БМ АССР и интеллигенции Бурятии к идее создания Лено-Байкальской области (края). Из изложенного выше следует, что на протяжении 20 лет было представлено несколько проектов о способе организации и форме национального устройства бурят-монголов. К тому же революционные события 1917 г., начиная с февраля, а не с октября, что важно для понимания проблемы, и Гражданской войны внесли реальные изменения в прежнее административно-территориальное устройство Восточной Сибири. Поэтому новые предложения о каких-либо изменениях, связанных с созданием Лено-Байкальской области, не встретили прямого ответного движения.

Председатель секции по районированию при Госплане Бурят-Монгольской автономной республики Николай Николаевич Козьмин в 1924 г. высказал категорическое несогласие с планом вхождения Бурят-Монгольской АССР в состав Лено-Байкальской области. Н. Н. Козьмин выдвинул 12 положений против этого. Основные из них сводились к следующему. Вхождение БМР в состав Лено-Байкальской области находилось в противоречии с ее положением автономно-национального образования. Область составлялась из заведомо дефицитных частей, из которых, по утверждению Козьмина, только БМР могла рассчитывать в ближайшем будущем обеспечить себя основными продовольственными запасами. Поскольку Козьмин считал Иркутскую губернию тяготеющей к объединению с Енисейской губернией, а восточное Забайкалье составляющей единое целое с Дальним Востоком, то Лено-Байкальская область была бы «лоскутной областью». Бурят-Монголия обладала достаточной территорией и кадрами для того, чтобы быть самостоятельной областью, а ее хозяйство должно было строиться на основе связанности с Монголией. Поэтому, заключал Н. Н. Козьмин, необходимо было очень осторожно подходить к постановке вопроса о Лено-Байкальской области. Иначе, предупреждал Козьмин, «можно попасть в безнадежный тупик» [11, с. 12–13].

На самом деле вопрос о создании Лено-Байкальского края был проработан достаточно тщательно. В частности, была издана специальная брошюра И. Н. Коркина, посвященная бюджету края. Привлекая громадное количество источников, в том числе материалы к бюджетам на 1924/25 г. по Иркутской и Забайкальской губерниям, Бурят-Монгольской республике, сводные материалы по бюджетам губерний Сибири, учетно-статистический материал Главного Финансового управления РСФСР по Иркутской губернии, материалы Сибплана по построению бюджета Западно-Сибирской области и др., автор поставил задачей дать примерное распределение доходов и расходов проектируемого края. По расчетам И. Н. Коркина, совокупный доход проектируемого края состоял бы из доходов составлявших его частей следующим

образом: Иркутская губерния – 46 %, Забайкальская губерния – 25 %, Бурят-Монгольская республика – 19 %, Канский уезд – 10 %. Сопоставим это с общей суммой предполагаемых расходов: Иркутская губерния – 41 %, Забайкальская губерния – 24 %, Бурят-Монгольская республика – 27 %, Канский уезд – 8 % [12, с. 4, 16]. Таким образом, Иркутская губерния могла стать основным донором, поскольку доходы ее превышали расходы на 5 %, а у Забайкальской губернии всего лишь на 1 %. Перераспределение доходов явно предусматривалось в пользу Бурят-Монгольской республики: доходы 19 %, расходы 27 %. При этом территория, занимаемая Бурят-Монголией, составляла 384 570 кв. км с населением 450 675 чел., а на территории Иркутской губернии, площадью 843 175 кв. км проживало 660 353 чел. [12, с. 16, 17].

Крупный ученый-экономист, профессор Иркутского университета Клавдий Николаевич Миротворцев, в отличие от Н. Н. Козьмина, поддержал проект Госплана о разделении СССР на области-районы, призванные заменить существующие губернии и другие административные единицы. Миротворцев считал вполне приемлемыми критерии, которые были положены Госпланом Союза ССР в разделение страны на области-районы. Предполагаемые области-районы должны были представлять мощные административно-хозяйственные организмы; в основу административного деления целесообразно положить принцип экономической обособленности района, и, наконец, связать перспективы развития хозяйства области с физико-географической средой и относительным положением той или иной области среди других областей республики.

К. Н. Миротворцев отмечал, что наиболее благоприятные условия для создания мощных административно-хозяйственных организмов будут в европейской части СССР. В Сибири же малая плотность населения вынуждает к созданию территориально обширных административно-хозяйственных единиц. Наиболее сложным решением этой задачи предполагалось в Восточной Сибири, включающей большую часть территории и меньшую часть населения [15, с. 3].

Ученый отверг предложение Дальневосточной плановой комиссии при Экономическом совещании Дальнего Востока в 1924 г. о необходимости включения Забайкальской губернии в проектируемую Дальневосточную область. Миротворцев отвергал и планы присоединения проектируемой области к существующей Енисейской области. Это создало бы «крайне неудобную конфигурацию области», привело бы к борьбе естественного центра в Красноярске с исторически и хозяйственно важным Иркутском. Ученый полагал, что намеченная Госпланом Лено-Байкальская область с некоторыми незначительными исправлениями границ может сложиться в «достаточно жизнеспособную административно-хозяйственную единицу». Отвечая на возражения о том, что Бурят-Монгольская республика должна остаться самостоятельным целым, Миротворцев напомнил, что организация смешанных областей из автономных республик и русских областей, входящих в РСФСР, была предусмотрена Госпланом в очень многих случаях, и ЛБО не составляла исключения. Если Госплан предполагал объединение всех республик и автономных

областей Кавказа в одну крупную область, если предполагалось вхождение Татарской республики в Средне-Волжскую область, то было возможным и включение Бурят-Монгольской республики в Лено-Байкальскую область.

К тому же К. Н. Миротворцев считал, что организация из БМР самостоятельной единицы областного значения затруднялась невозможностью объединения ее разорванных четырех частей в единую замкнутую территорию, так как для этого пришлось бы включить в БМР целый ряд территорий, населенных русскими. А такое соединение, по мысли ученого, противоречило бы самой идее создания автономных областей и создало бы препятствия к осуществлению культурно-национальных задач. В то же время, считая вполне возможным и целесообразным создание Лено-Байкальской области и опровергая доводы Н. Н. Козьмина по этому вопросу, К. Н. Миротворцев понимал, что наиболее трудным будет вопрос об объединении с БМР. Но решение этого вопроса, как отмечал сам ученый, не являлось задачей настоящей статьи [15, с. 6].

Доводы Н. Н. Козьмина о невозможности вхождения Бурят-Монгольской автономной республики в проектируемую Лено-Байкальскую область также опровергались профессором Иркутского университета, специалистом в области административного права Борисом Дмитриевичем Сперанским. Последовательно разбирая положения Козьмина, Сперанский заметил, что «они не выдерживают критики». Он выдвинул несколько аргументов. Во-первых, вхождение Бурятии в область соответствовало бы формально-конституционным нормам, поскольку не нарушало бы ни начал советского федерального права, ни основ советской национальной политики. Во-вторых, возражение о невозможности и неосуществимости параллелизма органов по линиям политического и хозяйственного подчинения также не выдерживало критики «с точки зрения советского права вообще». Вся Конституция была построена на началах двойственной зависимости и ответственности тех или иных органов. В-третьих, хозяйственная основа административного построения области не противоречила сохранению автономной республики, поскольку политические права последней никто бы не умалял.

В случае создания Лено-Байкальского края (области) краевой исполнительный комитет имел бы в своем составе президиум, плановую комиссию, особый бурятский отдел, а также следующие управления или отделы: административный, включающий областное управление милиции; ГПУ; земельный; народного хозяйства; финансовый; народного образования; здравоохранения и социального обеспечения; труда; рабоче-крестьянской инспекции; статистический.

Но Сперанский признавал, что национальный момент сильно осложняет краевое строительство и вынуждает к некоторой громоздкости самого аппарата. Сперанский считал вполне целесообразным создание при Президиуме крайисполкома особого бурятского отдела, функционально связанного с отделом национальностей при ВЦИК Советов. Что касалось окружного органа власти, то он мог включать в себя следующие отделы: административный, земельный, местного хозяйства, финансовый, народного образования, здра-

вохранения, социального обеспечения. В целом же выводы ученого-юриста по вопросу о целесообразности создания Лено-Байкальской области совпадали с выводами ученого-экономиста К. Н. Миротворцева.

1. Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.) : справочник. – Новосибирск, 1966.
2. *Александров И. Г.* О районировании // *Вопр. экономического районирования СССР.* – М., 1957.
3. *Александров И. Г.* Основы хозяйственного районирования СССР // *Вопр. экономического районирования СССР.* – М., 1957.
4. *Владимирский М. Ф.* Основные положения установления границ административно-хозяйственных районов (Доклад на 2-й сессии ВЦИК 8-го созыва, март 1921 г.) // *Вопр. экономического районирования СССР.* – М., 1957.
5. *Вопросы экономического районирования СССР : сб. материалов и ст. (1917–1929 гг.) / под ред. Г. М. Кржижановского.* – М., 1957.
6. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.
7. *Демидов В. А.* Бурятия: от степных дум к автономии / В. А. Демидов, В. В. Демидов. – Новосибирск, 2001.
8. *Демидов В. А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг. / В. А. Демидов. – Новосибирск, 1978.
9. *Деятели СССР и революционного движения России // Энциклопедический словарь Гранат.* – Репринт. изд. – М., 1989.
10. *Егоров К. Д.* Основы районирования СССР // *Энциклопедический словарь Гранат.* – Репринт. изд. – М., 1989.
11. *Козьмин Н. Н.* Бурят-Монгольская республика-область : доклад председателя секции по районированию при Госплане БМ АССР Республики / Н. Н. Козьмин. – Иркутск, 1924.
1. Political division of Siberia (August 1920–July 1930), Eastern Siberia (July 1930–September 1937), the Novosibirsk region (from September 1937). – Novosibirsk, 1966.
2. *Aleksandrov I. G.* On the division into districts // *Issues of the economic division of the USSR.* – M., 1957.
3. *Aleksandrov I. G.* Theory of the economic division of the USSR // *Issues of the economic division of the USSR.* – M., 1957.
4. *Vladimirskiy M. F.* Fundamentals of the division into districts (Report at the Central Committee' 2nd session of the 8th convocation, March 1921) // *Issues of economic division of the USSR.* – M., 1957.
5. *Issues of economic division of the USSR. Collection of Scientific Papers (1917–1929) / ed. by G. M. Krzhizhanovskiy.* – M., 1957. – 178 p.
6. The Irkutsk Region State Archive of Modern History (IRSAMH). F. 1. Inv. 1. Doc. 14.
7. *Demidov V. A.* Buryatia: from the Steppe Dumas to autonomy / V. A. Demidov, V. V. Demidov. – Novosibirsk, 2001.
8. *Demidov B. A.* October and the ethnic issue in Siberia 1917–1923 / B. A. Demidov. – Novosibirsk, 1978.
9. *Personalities of the USSR and the revolutionary movement in Russia // Encyclopedia Granat.* – Reprint. edition. – M., 1989.
10. *Egorov K. D.* Fundamentals of the division into districts in the USSR // *Encyclopedia Granat.* – Reprint. edition. – M., 1989.
11. *Kozmin N. N.* Buryat-Mongolian republic-region (Report of the chairman of the department of division at the State Planning Committee of BM ASR) / N. N. Kozmin. – Irkutsk, 1924.

12. *Коркин И. Н.* Бюджет Лено-Байкальского края, его реальные предпосылки и примерное построение / И. Н. Коркин. – Иркутск, 1925.
13. Курс советского государственного права. В 2 т. / А. И. Лепешкин, А. И. Ким, Н. Г. Мишин, П. И. Романов. – М., 1962. – Т. 2.
14. *Миrotвортцев К. Н.* Географический очерк Иркутской губернии. Отдельный оттиск «Статистического ежегодника» (1922–1923 гг.). – Иркутск, 1923.
15. *Миrotвортцев К. Н.* К вопросу о районировании Сибири (Лено-Байкальская область) / К. Н. Миrotвортцев. – Иркутск, 1924.
16. *Миrotвортцев К. Н.* Сельское хозяйство в Иркутской губернии в связи с естественно-географическими условиями : краткий географический и статистико-экономический очерк / К. Н. Миrotвортцев. – Иркутск, 1923.
17. Предварительные итоги переписи населения 1920 г. По городам, поселениям городского типа, уездам и волостям Иркутской губернии : материалы Иркутского Губернского Статистического бюро по демографической секции. Вып. 1. – Иркутск, 1921.
18. Экономическое районирование России : доклад Госплана III сессии ВЦИК. – М., 1922.
12. *Korkin I. N.* Budget of the Lana-Baikal region, its real preconditions and approximate formation / I. N. Korkin. – Irkutsk, 1925.
13. Course of Soviet State Law. In 2 volumes / A. I. Lepeshkin, A. I. Kim, N. G. Mishin, P. I. Romanov. – M., 1962. – V. 2.
14. *Mirotvortsev K. N.* Geographical essay on the Irkutsk province. Separate issue of the "Statistic annual" (1922–1923). – Irkutsk, 1923.
15. *Mirotvortsev K. N.* On the issue of division of Siberia (Lena-Baiakl region) / K. N. Mirotvortsev. – Irkutsk, 1924.
16. *Mirotvortsev K. N.* Agriculture in the Irkutsk region related to natural and geographical conditions : Brief geographical, statistic and economic essay / K. N. Mirotvortsev. – Irkutsk, 1923.
17. Preliminary results of the population census in 1920. According to cities, urbanised areas, districts and volost of the Irkutsk province. Materials of the Irkutsk Province Statistical Bureau, Department of demography. – Issue I. – Irkutsk, 1921.
18. Economic division of Russia. Report of the State Planning Committee of the 3d session of the Central Committee. – M., 1922.

Irkutsk Province/Region in Administrative and Territorial Reforms in Siberia during the Soviet Period. Article 1.

V. N. Kazarin

Irkutsk State University, Irkutsk

This article concerns administrative and territorial reforms, held in Siberia during the Soviet period. Moreover it examines the place of Irkutsk province and region at that time.

Key words: Siberia, Irkutsk province/region, administrative and territorial reforms, experience of the Soviet period of national history.

Казарин Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(3952) 52-11-88, e-mail: tgp_08@mail.ru

Kazarin Victor Nikolayevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, phone 8(3952) 52-11-88, e-mail: tgp_08@mail.ru